

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES

ФЕДИНА Ирина Михайловна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Кубанского государственного университета
Краснодар, Российская Федерация

Irina M. FEDINA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation,
ir_lap@mail.ru

УДК: 93/94[911.37:304.3]:[001.891.7-054.68]”179/185”

DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.009

ГРНТИ: 03.23.31

ВАК: 5.6.1.

**Поселенческий уклад
и социальный быт
славянского населения Кубани
глазами иностранных ученых
(конец XVIII – первая половина
XIX века)¹**

**Settlement Way of Life and Social
Mode of Life of the Slavic Population
of Kuban Through the Eyes
of Foreign Scientists
(Late 18th – First Half of the 19th
Centuries)²**

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-28-00330 («Заселение южных окраин Российской империи в XIX веке и проблемы землеустройства и межевания»).

² The study was funded by the Russian Science Foundation, grant no. 22-28-00330: [The Settlement of the Southern Outskirts of the Russian Empire in the 19th Century and the Problems of Land Management and Land Surveying](#)

В статье анализируются сочинения (дневники, путевые заметки и т. д.) иностранных ученых и путешественников, отражающие формирование преимущественно казачьих поселений на Кубани и Черноморском побережье Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX вв., при этом автор статьи стремится выявить феномены, создававшие в тот период Image and Communication (образ и коммуникацию) региона в сознании зарубежных исследователей. Круг источников сформирован из работ П. С. Палласа, Э. Д. Кларка, Ф. Дюбуа де Монперё и М. Вагнера. Подчеркнуты различные аспекты путевых впечатлений перечисленных авторов, связанные с происхождением и социальным статусом казачества, психологией его представителей, природно-климатическими условиями региона, описаны казачьи курени как основной бытовавший в то время вид поселений. Автор заключает, что образ региона в сознании зарубежных авторов формировался на основе следующих факторов: облика традиционных поселений, особого темперамента их жителей казаков, а также культурных различий между ними.

Ключевые слова: поселения, казачество, восточные славяне, иностранные исследователи, Кубань, Черноморья, П. Паллас, Э. Кларк, Ф. Дюбуа, М. Вагнер.

Одним из наиболее заметных современных социокультурных явлений становится обращение общества к традиционным ценностям, национальной исторической памяти, наследию прошлого. Эта тенденция, свойственная, впрочем, не только российскому социуму, является, с одной стороны, ответом на вызовы, порожденные глобализацией, угрожающей нивелировать складывавшиеся столетиями культурные особенности этносов и наций, а с другой – свидетельствует о стремлении ряда стран к обретению подлинного культурного суверенитета. Необходимо отметить, что изучение отечественной традиционной культуры опирается прежде всего на региональные изыскания, дающие материал для научных обобщений более высокого уровня.

Исследование истории традиционной культуры регионов, относящихся к так называемым «окраинным», или фронтирным территориям, является, безусловно, важным и актуальным. Жители этих территорий (особенно первопоселенцы), как правило, сталкивались с суровыми условиями быта, враждебным соседствующим окружением и прочими элементами, свойственными пограничью, однако традиционная культура его обитателей, существуя в интенсивно меняющихся условиях, тем не менее демонстрировала поистине феноменальную устойчивость своих фундаментальных компонентов и способность к открытости и обогащению. Сказанное в полной

мере относится и к культуре славянского населения Кубани, активно заселявшего регион с конца XVIII в. и сумевшего сохранить и приумножить свою традиционную культуру, являющуюся одной из важнейших составляющих исторического наследия Юга России и нашей страны в целом. Представляется, что изучение повседневной жизни поселений жителей Кубани в первые десятилетия их существования актуально в плане исследования факторов, определяющих стабильное существование и развитие традиционной культуры в условиях наличия вызовов и неблагоприятных факторов.

Исследования, затрагивающие проблематику изучения иностранными исследователями казачьих поселений, их социального устройства, не получили достаточного освещения в региональной историографии. Имеются лишь фрагментарные упоминания в работах таких ученых, как Б. В. Виноградов, К. В. Скиба и М. В. Спасенова [1], Д. С. Ткаченко [5], А. П. Скорик и И. М. Федина [4]. Поэтому основной целью исследования становится анализ сочинений иностранных путешественников для определения описанных авторами знаковых феноменов, создающих Image and Communication (образ и коммуникацию) и закрепляющих в человеческой памяти представления о казачестве и поселенческом укладе на Кубани. В данном случае имеется в виду образ региона и его обитателей, который фор-

мировался в сознании зарубежных путешественников, а также определенный характер и способы взаимодействия славянского населения Кубани в рамках этого образа с носителями иной культуры и с окружающим миром в целом.

Данная целевая установка реализовывалась на материалах путевых заметок и дневников иностранных авторов, посещавших Кубань в конце XVIII – первой половине XIX вв. Являясь специалистами в разных отраслях научного знания (преимущественно в области естественных наук), они, тем не менее, уделяли достаточное внимание анализу общественной жизни, культуры и быта людей, населявших регион в тот период. В качестве материалов для настоящего исследования были задействованы работы П. С. Палласа («Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах») [3], Э. Д. Кларка («Путешествия по разным странам Европы, Азии и Африки») [6], Ф. Дюбуа де Монперё («Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму») [2] и М. Вагнера («Путешествия в Персию, Грузию и Курдистан») [7].

Методологическим фундаментом исследования выступает примененная в отношении поселений локально-историческая теория, которая формулируется в рамках общего социогуманитарного и цивилизационного подходов. Посредством данной концепции можно объяснить поселенческий алгоритм закрепления казачества на новых российских территориях в конце XVIII – начале XIX вв. Также особо следует выделить сравнительно-исторический метод, с помощью которого устанавливалось сходство и различие взглядов иностранных исследователей на поселенческое устройство славянского населения Кубани в обозначенный период.

Изучение описаний и путевых заметок иностранных авторов, которые в своих работах затрагивали поселенческий уклад изучаемого региона, поможет в научном осмыслении целого ряда проблем, касающихся, в частности, вопросов межкультурного диалога, социальных практик восприятия «инога», фронтальных культурных процессов и различных

аспектов, связанных с социокультурными последствиями, возникающими при освоении новых территорий и сопровождающими формирование новых поселений. В числе первых внешних наблюдателей на Кубани побывал немецкий ученый-натуралист и путешественник на русской службе Петр Симон Паллас. Большую часть жизни (с 1767 по 1810 гг.) он провел в России, заслужил честь и славу своими многогранными талантами, интересовался бытом россиян и описывал всё, с чем сталкивался в путешествиях. В своих записках он посвятил Южной России отдельную главу «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах».

Немецкий ученый описывает особенности укоренения черноморского казачества на Тамани, характеризует завершающийся процесс строительства крепости на новом месте и, подмечая типичные детали, перечисляет основные оборонительные укрепления: «По дороге в Темрюк черноморские казаки начали постройку новых домов. Каменная мечеть с минаретом не особенно старательной работы теперь обращена в православную церковь. Эта местность имеет шесть колодцев с хорошей водой, что составляет редкость в Тамани» [3, с. 125]. По мнению П. С. Палласа, городу Тамань следовало бы вернуть старинное русское название Тмутаракани, данное властвовавшими здесь прежде русскими князьями.

Ольшой фрагмент путевых записей посвящен черноморским казакам: он детально объясняет, откуда они именно появились, какое территориальное пространство заселили, насколько законны полученные ими привилегии, в чем конкретно заключались казачьи предпочтения, какую поддержку им выделяла государственная казна, что за военно-политическая задача на них возложена, какой общей численности они достигают. В этой связи путешественник напоминает, что черноморские казаки, «вступив на службу России, оказали столько храбрости на суше и на воде в последней войне с турками, что заслужили милость и благоволение императрицы [Екатерины II], и она в воздаяние их заслуг поручила им охрану границы по Кубани, перешедшей к нам после Кючук-Кайнарджийского мира» [3, с. 141].

Из сообщения немецкого ученого мы узнаём об офицерском казачьем хуторе, как полагаем, речь шла о месте будущего расположения станицы Ильичёвской (ныне это посёлок Ильич в составе Темрюкского района Краснодарского края). В подтверждение наших рассуждений процитируем фрагмент из старинного источника: «В 18 верстах от большого сводчатого склона достигают хутора, устроенного казачьим лейтенантом Станкевичем на месте разрушенной деревни, лежащей в 6 верстах от грязевого вулкана, находящегося против города Тамани на широкой косе, видимой со всех сторон, вследствие чего я склонен его счесть за Monumentum Satyre, упоминаемый Страбоном [античным историком] как могильный курган» [3, с. 137].

Немецкий путешественник достаточно объективно описывает местные природно-климатические условия на Тамани с их негативными моментами и несомненными достоинствами, упоминает недавно преодоленную жителями тяжелую эпидемию чумы, хвалит местную породу лошадей и определяет возможные перспективы развития эффективной хозяйственной деятельности в сферах земледелия, скотоводства и рыболовства, международных торгово-экономических связей.

В путевых записках П. С. Палласа называется основной на тот исторический момент заселения Черноморья вид строящихся жилых поселений – казачьи курени, указывается довольно точное место расположения столицы черноморских казаков, города Екатеринодара, поясняется территориальное размещение казачьих воинских контингентов на Кубани, обозначается примерное нахождение и общая численность казачьих воинских резервов, подчеркивается возможное военно-организационное взаимодействие с русской императорской армией в период ведения боевых действий, фиксируется вид морской службы черноморских казаков и наличие у них артиллерии. Немецкий путешественник отмечал, что черноморские казаки занимали «деревни, или курени, вышележащие по Кубани, а между ними – главный город Екатеринодар, местопребывание кошевого и военного управления» [3, с. 142].

В июле 1800 г. в Черномории побывал профессор минералогии Кембриджского университета Эдвард Даниэль Кларк (1769–1822). Англичанин имел чрезвычайно широкий кругозор, и среди его путевых заметок, помещенных в книге «Путешествия по разным странам Европы, Азии и Африки», сохранились воспоминания и о черноморских казаках, описание их происхождения, обозначение территории расселения. В первой части книги, получившей название «Путешествие через Кубанскую Тартарию к границам Черкесии», Э. Кларк, восхищаясь черноморцами, справедливо отмечал: «Черноморцы – храбрые, но грубые и воинственные люди, среди которых вы не встретите утонченности цивилизованного общества, но есть много добрых сердец. Они готовы проявить величайшее гостеприимство к незнакомцам, обратившимся к ним за помощью. Их первоначальное название – запорожцы... этот термин указывает на их прежнее местоположение “за днепровскими порогами”» [6, с. 135]¹.

Сравнивая черноморцев с донскими казаками, наблюдательный глаз англичанина разглядел важные различия между двумя соседними казачьими группами, отметил веселый нрав и приверженность черноморцев к соблюдению традиций: «Они не похожи на донских казаков по привычкам, характеру или другим чертам. Все донские казаки ходят в одинаковой форме: черноморцы же носят всё, что только заблагорассудится. Донской казак незлобив, приветлив и учтив; черноморец же грубоват порой до наглости вследствие своего ухарства и военного образа жизни. Отличительный признак нижних чинов у черноморцев – оселедец за правым ухом, он есть даже у офицеров; но молодые запорожцы искусно скрывают [его] в своих темных волосах. Кажется, что они стесняются его, хотя и берегут с религиозным почитанием, как реликвию на груди католика; и любой из них скорее расстанется с жизнью, чем с этим знаком принадлежности к своему племени. Черноморцы веселее и шумнее донских казаков, неудержимые в своем веселье; неистовые в беседе, лю-

¹ Здесь и далее перевод иностранных источников наш. – И. Ф.

бят поворчать и, если не участвуют в споре, то обычно веселятся или поют песни. Донцы не жалуют черноморцев, взирая на них сверху как на банду грабителей на государственной службе. Однако следует заметить, что и черноморцы питают к ним такие же чувства, отпуская мимоходом замечания, подобные тем, что слетают с уст необразованной английской черни в адрес иноземцев; например, «один черноморец стоит трех донцов» [6, с. 350].

Англичанину Э. Кларку совершенно не понравилась станица черноморских казаков Старощербиновская (тогда она называлась Щербиновская), небольшое степное приземистое поселение, состоящее исключительно из обычных турлучных хат с неизменными камышовыми крышами. Он зафиксировал первое впечатление следующим образом: «Миновав [реку] Ею, мы вступили на черноморские земли: проехав еще около четырех миль, мы приехали в Щербиновскую – жалкую деревню, построенную из камыша, но имеющую несколько жалких лавок» [6, с. 352].

Автор был приятно удивлен непривычной для его путешествий в далеких странах скорости передвижения, что свидетельствовало о довольно быстром обслуживании на почтовых станциях и выдаче крепких, выносливых лошадей, пригодных к достаточно резвому ходу в степной местности [6, с. 353].

Путешественник из далекой Англии поражался необъятным южнорусским просторам и хозяйственному использованию водяных мельниц, ведь на его родине паровые двигатели уже давно стали повседневной реальностью и основой технического прогресса. В своих записях Э. Кларк сообщает: «Мы заметили также несколько кукурузных мельниц с подливными колесами и неизменные древние курганы на горизонте» [6, с. 353].

Автор также обращает внимание на хорошее состояние степных пространств Правобережья Кубани, великолепный травостой, способный решить проблему кормовой базы для местного животноводства и лошадей, предназначенных для кавалерийских частей русской императорской армии, прежде всего, черноморского казачества [6, с. 354].

Одельно отмечает Э. Кларк и хорошую упитанность крупного рогатого скота в Черномо-

рии, а также отсутствие овечьих отар при таких необъятных степных просторах. В его родной Англии огораживание давно уже приобрело огромный размах. Пристальное внимание путешественник обращает на местную породу казачьих лошадей, сравнивая ее с шотландской породой. Он пишет: «Скот здесь больше ростом и округлее, чем в России. Казачьи лошади похожи на малорослую шотландскую породу в Англии. Хозяева хвалят их за быстрый ход и выносливость. По их словам, хорошая лошадь проделает шестьдесят верст или сорок миль галопом без остановки. Но они редко отличаются красотой» [6, с. 354]. Очевидно, что англичанину не хотелось признавать преимущества казачьих лошадей перед английскими.

Любопытное замечание оставил Э. Кларк и о столице черноморских казаков. Екатеринодар показался ему лесным поселением, где среди расчищенного леса и мощных деревьев едва виднелись жилые строения, расставленные на значительном удалении друг от друга и к тому же скрываемые лесной растительностью, среди которой выделялись весьма древние деревья. Англичанин пишет: «Екатеринодар, или “дар Екатерины”, столица Черноморского казачества, имеет весьма необычный вид. Он похож не на город, а, скорее, на дубовую рощу или лес, где несколько удаленных друг от друга коттеджей скрываются не только от взоров публики, но и даже друг от друга. Жители срубили много деревьев и расчистили себе земли как можно больше; но улицы (если их можно назвать улицами) и промежутки между домами заняты карликовыми дубами и толстыми ветками, растущими из оставленных пеньков. Мы видели несколько деревьев, возможно, одних из самых древних в мире» [6, с. 356].

Будущее столицы черноморских казаков представлялось путешественнику весьма туманным по трем основным обстоятельствам. Во-первых, чрезвычайно медленно велось городское строительство. Во-вторых, постоянная борьба с горцами отнимала слишком много сил, а потому город практически не рос. В-третьих, чтобы выстроить город, надо преодолеть неблагоприятные природно-климатические условия. «Екатеринодар вряд ли станет желанным местом жительства, – писал

Э. Кларк. – Само основание города состоялось всего за восемь лет до нашего приезда, так что он все еще имел вид колонии, только что перенесенной из диких мест Америки, и вел борьбу с негостеприимными туземцами, непроходимыми лесами и нездоровым климатом» [6, с. 357].

Тем не менее автор путевых заметок отмечал достигнутые несомненные успехи качества в строительстве Екатеринодара, правильные архитектурно-планировочные решения, применяемые при возведении жилых зданий, имеющиеся хозяйственные постройки местных жителей, уже заложивших добротные фруктовые сады и неплохие виноградники, а также огороды с плодородной почвой, способной одаривать горожан съестными продуктами. Путешественник подчеркивал: «Дома жителей были аккуратнее, чем наши лучшие английские коттеджи. У каждого домовладельца имелся большой участок перед домом, к которому вела аллея из дубов. Ко двору прилегал сад, где мы заметили виноградные лозы, арбузы и огурцы. Подсолнечник рос самосевом и без всякого ухода. Многие растения, выращиваемые у нас в теплицах, растут здесь как сорняки» [6, с. 357]. Безусловно, сказывалась существенная разница между природно-климатическими условиями Черномории и Туманного Альбиона, что невольно подметил английский путешественник.

Отдельно Э. Кларк описывает казачью старшину Черномории, уделяя преимущественное внимание костюму этой высшей когорты черноморских казаков, подчеркивавших всем своим внешним видом индивидуальный социально-правовой статус. В сохранившемся описании детально перечисляются основные элементы колоритного атаманского костюма, типичные виды личного оружия. «Бразды правления, – пишет англичанин, – полностью в руках атамана и его офицеров, которые носят самые театральные и великолепные костюмы, знакомые любому человеку в мире. На груди у них золотые цепи и кружева, на боку турецкие сабли. Они носят красные сапоги, шапки из черного бархата, отороченные кружевами и серебряными цепочками. За шелковые кушаки на талии заткнуты пистолеты самой дорогой выделки... пороховни-

цы обвешаны серебряными монетами и другими безделушками» [6, с. 358].

Швейцарский ученый, этнограф и археолог Фредерик Дюбуа де Монперё в 30-х гг. XIX в. путешествовал по Крыму и Кавказу. Часть пути он проплыл вдоль Черноморского побережья Кавказа на русском военном корабле. Ему также удалось совершить поездку по западному Закавказью вплоть до Тифлиса. За несколько лет странствий Ф. Дюбуа собрал в своем дневнике огромный материал, который впоследствии был опубликован в шести томах под общим названием «Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму». Заметки Ф. Дюбуа интересны прежде всего описанием укреплений Черноморской береговой линии. Автор прибыл в Геленджик 22 мая 1833 г., где провел целых четыре недели и практически вжился в гарнизонную ситуацию. Благодаря наблюдательным заметкам Ф. Дюбуа, путем множественных исторических сопоставлений мы узнаём немало занимательных деталей о Геленджикском военном укреплении и повседневной гарнизонной жизни его обитателей, что существенно дополняет наши представления о Черноморской береговой линии.

Однако во время визита путешественника сам Геленджик оставался еще достаточно неблагоустроенным селением, несмотря на постоянный приток сторонних жителей. Солдаты местного гарнизона проживали в сырых и холодных землянках. Несколько лучше выглядели жилища офицеров, представлявшие собой типичные трехкамерные турлучные хаты. В одной из таких хат и поселился Ф. Дюбуа, о чем он сообщает так: «Инженер-поручик Яковлев уступил мне одну из комнат, где я мог с удобством работать...» [2, с. 70]. Очевидно, для возведения более основательных жилищ в Геленджике не хватало необходимых строительных материалов; к тому же явно сказывалась еще и неуверенность в будущем Геленджикского военного укрепления.

Путешественник характеризует внешний вид Геленджика как довольно невзрачное небольшое селение: «Геленджик, состоящий из кучки хижин из земли и веток [то есть турлучные хаты. – И. Ф.], с его старыми усачами-воинами с опаленными солнцем лицами

в шрамах; этот беспрестанный звон рожков в воздухе; множество мужчин и отсутствие женщин – все это напоминало мне Рим в дни его зарождения и борьбы с сабинянами» [2, с. 71]. Здесь Дюбуа подмечает значительное преобладание мужчин в составе населения Геленджика, который, по его мнению, может состояться как поселение, только если в нем окажется достаточно представительниц женского пола.

Вдумчивый ученый смог разглядеть и перспективы для Геленджикского поселения, поскольку он детально проанализировал с исторической и археологической точек зрения близлежащую местность и географическое расположение морских бухт. Ф. Дюбуа считал, что в будущем Геленджик сможет стать одним из важных поселений, имея в виду развитие его как торгового порта и крепости [2, с. 74–75].

Путешественник принял участие в обследовании небольшой морской бухты в месте впадения в Черное море горной реки Пшада, куда экипажу русского военного корабля, бригаantine «Нарцисс», удалось подойти вечером 17 мая 1833 г.

По ведением ученого, 27 мая 1833 г. русские военные сожгли в районе Пшады аул и две маломерные турецкие галеры на зимней стоянке в этом порту [2, с. 79]. Другими словами, гавань укрывала турецких работяговцев. В этом месте 6 июня 1837 г. отряд, пришедший из Геленджика под командованием генерал-лейтенанта А. А. Вельяминова, закладывает Новотроицкое военное укрепление. Но об этом швейцарский ученый узнаёт уже в ходе подготовки своей рукописи к печати: «В наши дни этой местности, кажется, снова суждено стать чем-то значительным, т.к. летом 1837 г. генерал Вельяминов завладел Пшадом и укрепился там» [2, с. 81].

Лишь после окончания Кавказской войны в 1864 г. в долине реки Джубга на черноморском побережье появилась, и не случайно, судя по представлению Ф. Дюбуа, станица Джубгская в составе Шапсугского берегового пешего батальона.

В общих чертах путешественник описал три экспедиции А. А. Вельяминова (1834, 1835, 1836 гг.) с целью закрепления на Черно-

морском побережье, раскритиковал позицию Англии в отношении России, стремившейся подчинить Черкесию, причем вспомнил о жестокости Англии при проникновении в Индию и неоднозначную политику Франции в Алжире, отметил два возможных коридора движения русских войск от Кубани (Ольгинского укрепления) к Черному морю и подчеркнул важность основания Геленджика.

Известный немецкий путешественник, биолог, географ и естествоиспытатель XIX в. Мориц Вагнер (1813–1887) побывал на Кубани в достаточно молодом возрасте. Во время своей второй трехлетней экспедиции (1842–1845) он посетил страны Причерноморья, Кавказ, Армению, Курдистан и Персию, и в результате его естественно-историческими коллекциями пополнились музеи Вены, Мюнхена и Парижа. В феврале 1843 г. М. Вагнер отправился в путешествие вдоль Кубани, собирая и записывая свои впечатления о казачьей повседневности, о самих казаках, о человеческих характерах и судьбах.

Естественно, двигаясь в восточном направлении, путешественник приближался к станциям линейных казаков, которые в отличие от станиц черноморских казаков в большей степени выглядели как небольшие военные укрепления, готовые к отражению нападения противника. «Первая казачья станица [автор употребляет слово «village».– И. Ф.], которую мы достигли,– пишет М. Вагнер,– называлась Корсунская. Она была ограждена рвом и изгородью из кольев. Чем ближе вы подъезжаете к станциям линейных казаков, тем больше они укреплены, так как опасность возрастает по мере движения на восток» [7, с. 171]. В следующей линейной станице – Васюринской – немецкий путешественник застал приготовления казаков к очередному набегу на черкесов, что произвело на него довольно сильное впечатление, которое он зафиксировал в своих путевых заметках.

Немецкий ученый сумел разобраться в различиях между черноморскими и линейными казаками, в заметном расхождении ментальных моделей их поведения, и в том, где проходила граница между двумя казачьими объединениями. Впрочем, сначала он полагал, что от черноморских казаков он попал к черкесам.

Вот как он описывает свое маленькое открытие: «Станица Воронежская образует границу между Черноморией и территорией линейцев. Последние отличаются особым костюмом, физическим сложением, своеобразным религиозным фанатизмом, который, однако, проявляется более во внешней форме, чем в образцовых добродетелях. Их одежда и оружие так похожи на черкесские, что я, к своему ужасу, поначалу спутал их. Они носят шапку и пистолеты, которые изготовлены гораздо элегантнее, но менее надежно, чем у черноморцев» [7, с. 171].

На пути из станицы Воронежской в станицу Кавказскую немецкий путешественник везде встречает население, постоянно готовое к войне. Даже мальчишки способны встать рядом с отцами, если нужно выслеживать врага в зарослях. Но М. Вагнер заметил, что среди линейных казаков находятся группы недавно сюда переселившихся донских казаков. По его свидетельству, «офицеры обычно говорят с презрением о донских казаках, проживших на Кавказе всего лишь три года, сравнивая их неуклюжесть с ловкостью линейных казаков на Тереке и верхней Кубани» [7, с. 172]. Не очень лестную характеристику дал немецкий ученый типичным ментальным качествам черноморских казаков: «Черноморцы более ленивы и менее бдительны, реже пересекают Кубань и живут ближе к врагу. Я часто встречал этих казаков с унылыми лицами, лежащих на траве возле пасущихся лошадей, когда им было приказано прочесать заросли» [7, с. 173].

Запомнилось М. Вагнеру и непродолжительное посещение станицы Усть-Лабинской: он подчеркивает масштабность и значимость поселения на Кубанской кордонной линии, обращает внимание на четкое архитектурно-планировочное устройство населенного пункта, фиксирует приметную станичную церковь с зеленым куполом (вероятно, храм Сергия Радонежского), отмечает наличие в станице фортификационных сооружений, двух наблюдательных вышек и резюмирует в целом хорошую укрепленность станичного поселения. При этом более защищенной диспозиции, чем в Усть-Лабинской, автор не встречал. Он пишет: «Усть-Лаба – одна из крупнейших станиц Линии. Домишки, крытые соломой, стоят

стройными и ровными рядами, как батальон на плацу. Белая церковь с зеленым куполом и вышки посреди деревни укреплены лучше любой из кубанских застав» [7, с. 175].

В его записях мы обнаруживаем описание выражений лиц казаков и казачек с эмоциональными характеристиками. Немецкий исследователь отмечает: «Мужчины у казаков-великороссов обычно красивей, чем женщины. В целях исключительно физиономических исследований я старался заглядывать под платки всех встречающихся казачьих женщин и девушек, когда мы останавливались в станицах. <...> Сколько бы я не странствовал по землям казаков, нигде я не встречал более красивого лица, чем у нашей хозяйки в Тамани». Путешественник далее отмечает красоту мужских лиц, «особенно в селениях Ладожской, Казанской и Кавказской. Мальчишки, встречавшие нас толпой, отличались умными, беззаботными и веселыми лицами с ясным и отважным взором» [7, с. 180].

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что изученные записки путешественников насыщены конкретно-исторической информацией, которая заставляет отчасти корректировать сложившиеся современные представления о повседневной жизни казачества, устройстве поселенческого быта в конце XVIII – середине XIX вв. Свидетельства иностранных путешественников о Кубани первых десятилетий ее освоения славянским населением дают основание для утверждения о том, что подавляющее большинство авторов сохранили благоприятные впечатления о казаках и их поселениях. Основная черта подобного рода сочинений – формирование у каждого путешественника уникального персонального видения региона не с чьих-то слов, а на основании личных впечатлений, полученных при посещении Кубани. Причем, с нашей точки зрения, иностранные гости при относительной мимолетности пребывания сумели разглядеть очень многое, найти болезненные места повседневной жизни казачества и даже сформулировать свои предложения по дальнейшему развитию отдельных населенных пунктов. Путешественники проникали практически во все районы, бывали в поселениях черноморских и линейных казаков, на побе-

режье Черного моря. За редким исключением, в большинстве своем ученые стремились разобраться в устройстве казачьих станиц и хуторов и их соответствии тем реальным природно-климатическим условиям, в которых они находились,

Проанализировав опубликованные записки иностранных исследователей, можно составить практически полное представление о турлучных жилых постройках, об основных хозяйственных занятиях казаков, а также узнать уникальные сведения о промысловых орудиях или традиционной медицине.

К числу феноменов, создававших образ и коммуникацию региона и фиксирующих в памяти путешественников представление о славянском населении Кубани, можно отнести темперамент его представителей, характеристике которого (пусть и достаточно крат-

кой) уделяют внимание почти все авторы изученных сочинений. Вторым важным компонентом – сравнение культуры и психологического склада донцов и черноморцев, которое также проводится большинством авторов. Это означает, что особенности, свойственные представителям двух крупных групп населения Кубани, были достаточно яркими и весьма заметными стороннему наблюдателю. Наконец, третьим важнейшим структурным элементом образа региона являются поселения его жителей, причем на основе собранных исторических свидетельств можно утверждать о наличии в сознании иностранных исследователей, посетивших Кубань в рассмотренный период, некоей эпистемы “well established village” («хорошо организованной деревни») в отношении казачьих поселений как пунктов цивилизации.

Irina M. FEDINA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation,
ir_lap@mail.ru

***Settlement Way of Life and Social Mode of Life of the Slavic Population
of Kuban Through the Eyes of Foreign Scientists
(Late 18th – First Half of the 19th Centuries)***

Abstract. The article analyzes foreign scientists' and travelers' writings (diaries, travel notes, etc.) that reflect the formation of predominantly Cossack settlements in Kuban and along the Black Sea coast of the Caucasus in the late 18th – first half of the 19th centuries. The author of the article seeks to identify the phenomena that created the image and communication of the region in that period in the minds of foreign researchers. The sources of the study are works by Peter Simon Pallas, Edward Daniel Clarke, Frederic Dubois de Montpereux, and Moritz Wagner. The methodological foundation of the study is the local history theory, applied to settlements, which is formulated within the framework of socio-humanitarian and civilizational approaches. The author analyzes the content of the fragments of Pallas' work related to the territory of Kuban; emphasizes various aspects related to the origin and social status of the Black Sea Cossacks, the natural and climatic conditions of the region; describes Cossack kurens as the main type of settlements that existed at that time. The author studies the text of the memoirs of the English mineralogist Clarke related to his stay on the territory of the Black Sea coast and draws attention to Clarke's description of Yekaterinodar and other settlements, as well as information about the economic activities of the Black Sea people (in particular, about cattle breeding) and the status of military leaders. The author considers chapters from the multi-volume work of the Swiss scientist Dubois de Montpereux, dedicated to his journey to the Caucasus and reflecting the appearance of Gelendzhik in the early 1830s, characteristics of its inhabitants and a number of events from the history of this settlement. The author also studies the impressions of the German biologist and geographer Wagner of his journey along the Kuban River, which he undertook in 1843. The main objects of Wagner's observa-

tions were various aspects of the Cossacks' daily life, the characters and fates of ordinary inhabitants of Kuban. The author shows the features of Wagner's perception of the differences between the Black Sea Cossacks and the representatives of the neighboring Cossack host, gives Wagner's descriptions of some Kuban villages. The author concludes that the image of the region in the minds of foreign authors was formed mainly due to the temperament of its inhabitants, cultural differences between them, as well as the appearance of traditional settlements.

Keywords: settlements, Cossacks, East Slavs, foreign researchers, Kuban, Black Sea region, Peter Simon Pallas, Edward Daniel Clarke, Frederic Dubois de Montpereux, Moritz Wagner.

Использованная литература:

1. Виноградов Б. В., Скиба К. В., Спасенова М. В. Черноморские, линейные и донские казаки в путевых заметках Морица Вагнера «В земле казаков» // Российская государственность в судьбах народов Кавказа - X: материалы регион. науч.-практ. конф. (Пятигорск, 24-25 нояб. 2017 г.) / Под ред. Б. В. Виноградова. Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. ун-та, 2017. С. 78-105
2. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Пер. с франц. Н.А. Данкевич-Пушиной. Т. 1. Сухуми: Абгиз, 1937.
3. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем.; отв. ред. Б.В. Левшин; сост. Н.К. Ткачёва. М.: Наука, 1999.
4. Скорик А. П., Федина И. М. Национальный колорит и повседневность Геленджика в 1833 году (по запискам Фредерика Дюбуа де Монпере) // Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие : Материалы междунар. науч.-практ. конф., (Краснодар, 8–10 окт. 2021 г.)– Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 197-206.
5. Ткаченко Д. С. Народы Северо-Восточного Кавказа в историко-этнографических описаниях и картографии конца XVIII - первой половине XIX в. // Союзы сельских общин в историческом процессе Дагестана, Кавказа и России: новые подходы и дискуссии. Махачкала: Дагестанский гос. пед. ун-т, 2010. С. 285-294.
6. Clarke E.D. Travels in various Countries of Europe, Asia and Africa. Cambridge: University Press, 1810.
7. Wagner M. Travels in Persia, Georgia and Koordistan: With Sketches of the Cossacks and the Caucasus. – London: Hurst and Blackett, 1856. Vol. I.

References:

1. Vinogradov, B.V., Skiba, K.V. & Spasenova, M.V. (2017) [Black Sea Cossacks, Cossack Host, and Don Cossacks in the Travel Notes of Moritz Wagner "In the Land of the Cossacks"]. *Rossiyskaya gosudarstvennost' v sud'bah narodov Kavkaza-X* [Russian Statehood in the Fate of the Peoples of the Caucasus-X]. Conference Proceedings. Pyatigorsk. 24–25 November 2017. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University. pp. 78–105. (In Russian).
2. Dubois de Montpereux, F. (1937) *Puteshestvie vokrug Kavkaza. U cherkesov i abkhazov, v Kolkhide, v Gruzii, v Armenii i v Krymu* [Voyage Around the Caucasus, Among the Circassians and the Abkhazians, in Colchis, Georgia, Armenia and in the Crimea]. Translated from French by N.A. Dankevich-Pushchina. Vol. 1. Sukhumi: Abgiz.
3. Pallas, P.S. (1999) *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva* [Observations Made During a Trip to the Southern Governorships of the Russian State]. Translated from German. Moscow: Nauka.
4. Skorik, A.P. & Fedina, I.M. (2021) [The National Flavor and Everyday Life of Gelendzhik in 1833 (According to the Notes of Frederic Dubois de Montpereux)]. *Vzaimootnosheniya sovetskoy vlasti i obshchestva pri realizatsii natsional'noy politiki 1920-kh gg.: istoricheskaya real'nost', pamyat', nasledie* [Relationship Between Soviet Power and Society in the Implementation of the National Policy of the 1920s: Historical Reality, Memory, Heritage]. Proceedings of the International Conference. Krasnodar: 8–10 October 2021. Krasnodar: Kuban State University. pp. 197–206. (In Russian).
5. Tkachenko, D.S. (2010) *Narody Severo-Vostochnogo Kavkaza v istoriko-etnograficheskikh opisaniyakh i kartografii kontsa XVIII – pervoy polovine XIX v.* [The Peoples of the North-Eastern Caucasus in Historical and Ethnographic Descriptions and Cartography of the Late 18th – First Half of the 19th Centuries]. In: *Soyuzы sel'skikh obshchin v istoricheskom protsesse Dagestana, Kavkaza i Rossii: novye podkhody i diskussii* [Unions of Rural Communities in the Historical Process of Dagestan, the Caucasus and Russia: New Approaches and Discussions]. Makhachkala: Dagestan State Pedagogical University. pp. 285–294.
6. Clarke, E.D. (1810) *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa*. Cambridge: University Press.
7. Wagner, M. (1856) *Travels in Persia, Georgia and Koordistan: With Sketches of the Cossacks and the Caucasus*. Vol. I. London: Hurst and Blackett.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Федина, И. М. Поселенческий уклад и социальный быт славянского населения Кубани глазами иностранных ученых (конец XVIII – первая половина XIX века) / И. М. Федина // Наследие веков. – 2022. – № 2. – С. 110-120. DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.009

Full bibliographic reference to the article:

Fedina, I.M. (2022) Settlement Way of Life and Social Mode of Life of the Slavic Population of Kuban Through the Eyes of Foreign Scientists (Late 18th – First Half of the 19th Centuries). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 110-120. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.009